А. А. Пауткин

«УГОРЬСКИЕ ИНОХОДЬЦИ» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
(Еще раз о фрагменте «Съ тоя же Каялы Святоплъкь...»)

Знаток и популяризатор древнерусской старины Е. Осетров, образно характеризуя фрагменты «Слова о полку Игореве», вызывающие немало вопросов у медиевистов, заметил: «“Темные места” напоминают глубокие ямы на дне реки; кажется: протяни руку – и дотянешься до гальки, лежащей на песке. Близость эта иллюзорна: нырни – не достанешь»[1]. Касается это прочтения и тех фраз, смысл которых более или менее ясен, однако неоднозначно трактуются отраженные ими исторические обстоятельства и реальные лица. Одно из таких, не самых «темных», предложений «Слова»: «**Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву**»[2]. И все-таки комментаторы и переводчики давно бьются над ним.

Теперь исследователи солидарны в том, что речь идет о поступке великого князя Святополка Изяславича[3], доставившего тело своего родственника с помощью венгерских иноходцев в стольный город. В остальном мнения расходятся. Вот главные вопросы, встающие перед толкователями: С какой Каялы тело перемещали в Киев? Об отце ли Святополка идет речь? Какое действие передает слово «**повелѣя**»? У первых издателей сомнений было еще больше. Они затруднялись даже с определением конкретного князя Святополка, да и деяние его видели в том, что войска отца своего он провел сквозь венгерскую конницу (судя по всему, вражескую)[4]. Даже упоминание Софийского со-

бора не облегчало задачу комментаторов, а напротив, порождало новые противоречия.

Традиционно принято считать, что автор «Слова» подразумевал сражение на Нежатиной Ниве, где в 1078 г. вражеским копейщиком был убит Изяслав Ярославич. В то же время, если речь идет, действительно, об отце Святополка, информация, содержащаяся в интересующей нас фразе, вступает в противоречие с данными «Повести временных лет»[5] Тело князя, по словам летописца, везли в ладье, а не на иноходцах[6]. У Городца убитого переложили на сани и повезли в Киев, где его оплакали жители, попы и черноризцы. Погребал Изяслава другой, младший, сын – Ярополк Изяславич, вместе с которым скорбели его дружинники. Похоронили князя в Десятинной церкви, а не в Софийском соборе. Едва ли печерские летописцы, сочувствовавшие натерпевшемуся от братьев и киевлян князю, исказили реальные события, перепутали место погребения Изяслава.

Расхождения данных «Слова» и ПВЛ были подмечены уже давно. На согласование противоречивых сведений потрачено немало усилий[7] Особенно в связи с этим важны наблюдения М. Д. Приселкова и И. М. Кудрявцева. Приселков допускал, «что автор "Слова" знал рассказ о сражении 1078 г., в котором погиб Изяслав, как и всю "Повесть временных лет", в сокращении, где подробности погребения Изяслава, например, были опущены и изложены в "Слове" автором в своем собственном толковании на черниговский лад; все князья Чернигова хоронились в главной церкви Чернигова, и отца хоронил старший сын; поэтому он заставляет Святополка погребать Изяслава в Софии, главной церкви Киева, не зная, что в Киеве не всех князей хоронили в главной церкви»[8]. В конце 40-х гг. XX в. И. М. Кудрявцев впервые указал на известие Софийской I летописи, где, действительно, говорится о похоронах Изяслава в Софийском соборе[9] То есть доказывалось существование иной, нежели печерская, версии. Правда, и это ценное наблюдение не все проясняло. Святополк все-таки в битве 1078 г. не участвовал и даже, судя по всему, отсутствовал в Киеве.

Что касается значения слова «**повелѣя**», то тут на равных сосуществуют два разных толкования: «**повелѣ яти**» (Я. Пожарский) и «**полелѣя**» (А. А. Потебня). Таким образом, чтение – «**съ тоя**

же Каялы... къ Кієву» вызывает множество вопросов и «все еще остается не до конца объясненным» [10].

Иное прочтение данного фрагмента вновь базируется на данных ПВЛ. В этом случае комментаторы исходят из того, что автор «Слова» имел в виду не сражение на Нежатиной Ниве и, соответственно, павшего в нем Изяслава, а бой с половцами на реке Трубеж. Здесь 19 июля 1096 г. был убит грозный половецкий хан Тугоркан, тесть Святополка Изяславича. Тело родственника русский князь повез в Киев. Поступок Святополка психологически вполне оправдан, ведь он менее двух лет назад женился на дочери убитого врага. Растерянность, необычность ситуации, желание дать жене возможность проститься с отцом – все это вполне могло толкнуть киевского правителя на такой шаг. Версию о Тугоркане впервые высказал еще в первой половине XIX в. П. Г. Бутков, предлагавший вместо «**отца**» читать «**тьстя**» [11]. В дальнейшем его мысль нашла поддержку у ряда авторитетных исследователей (в том числе А. С. Петрушевича, В. Ф. Ржиги, С. К. Шамбинаго, Н. К. Гудзия, К. В. Кудряшева, А. С. Орлова).

Сразу заметим, отнесение действий Святополка к событиям 1096 г. представляется более предпочтительным. Но и в этом случае не снимаются все противоречия. Прежде всего, необъяснимо перенесение тела «поганого» половца (хоть и близкого родственника) к кафедральному собору. И уж тем более немыслимо торжественное погребение хана близ православной святыни. Никакая художественная фантазия в данном случае не способна преодолеть реальных конфессиональных противоречий. Наконец, вызывает удивление столь «картинный» способ доставки мертвого врага. Если бы речь шла о перевозке раненого или больного человека, тогда стремление избежать тряски вполне оправданно. В случае же с Тугорканом использование иноходцев кажется, по меньшей мере, странным. Трудно представить себе, чтобы в русском войске, отправившемся на отражение половецкого набега, были предусмотрены кони столь экзотической породы, абсолютно бесполезные в преследовании степняков. Конечно, бой с Тугорканом произошел вблизи Переяславля, и тем не менее посылка за иноходцами, торжественное эскортирование тела, случайно обна-

руженного утром, является чем-то нарочито искусственным. М. Д. Приселков справедливо заметил: «Угорские иноходцы в Киеве стали известны (и на них пошла мода) только с 1150 г. (“тогда же Угре на фарех и на скокох играхуть на Ярославли дворе многое множество, кияне же дивляхутся Угром множеству и кметьства их и комонем их”)» [12]. Приведенный историком фрагмент Киевской летописи, судя по всему, — попытка рассказать о турнире венгерских рыцарей. К сказанному следует добавить: в языке XII–XIII вв. не встречается существительное «иноходец», а есть «иноходь». Поэтому форма «межлю... иноходьцы» выглядит в «Слове» анахронизмом.

Вспомним обстоятельства, предшествовавшие гибели Тугоркана. 30 мая хан осадил Переяславль. Святополк и Владимир Мономах двинулись в поход. Их дружины шли по киевской стороне Днепра. Незамеченными русские сумели переправиться на левый берег, воспользовавшись Зарубовским бродом. Переяславцы, воодушевленные пришедшей подмогой, выдвинулись навстречу. Половцы же поджидали противника за Трубежем. Киевские полки без промедления и предварительной подготовки бросились форсировать новую водную преграду. В этот момент Владимир хотел построить свою дружину, привести ее в порядок, однако, как сообщает ПВЛ, воины не послушались князя. Конная часть войска устремилась на половцев. Те, не ожидая столь бурного натиска, бросились бежать. Во время погони степняки понесли большие потери. Погибло много знатных половцев. Пал за Трубежем и Тугоркан, тело которого нашли на следующий день.

Вообще 1096 г. памятен особенно напряженными столкновениями с половцами. Автор «Слова», несомненно, знал об этом. Боняк воевал возле Киева. Половцы едва не ворвались в город, жгли поречье, сгорел княжеский двор в Берестове, подвергся разорению и Печерский монастырь. Были убиты несколько иноков. Видимо, в этот набег оказались плененными Евстратий Постник и Никон-черноризец, о мучениях которых поведал Киево-Печерский патерик. Все случившееся побудило летописца пуститься в рассуждения о «поганых измаильтянах», используя «Откровение» Мефодия Патарского.

После рассказа о разгроме половцев печерский летописец сообщает: «**И взяша и С(вя)тополкъ акы тьстя своего и врага и привезше и к Кыеву погребоша и на Берестовѣмь междю путемъ идущимъ на Берестово и другымь в манастырь идуще**» (I, 232)[13] В Ипатьевском списке добавлено уточнение – «**на могылѣ**» (II, 222) и вместо «**межю путемъ идущимъ**» читается – «**межи путемъ грядущимъ**». Тугоркан, таким образом, погребен за границей оборонительных сооружений Киева. Место выбрано между двух дорог: в Печерский монастырь и в княжескую резиденцию Берестово, которое «было наследственным домениальным владением великих князей и обычно переходило по наследству от одного великого князя к другому»[14]. Эта территория хорошо знакома всем. Тут любил уединяться в первой половине XI в. священник берестовской церкви Иларион. Здесь через два года после гибели Тугоркана пойдет навстречу беде Василько Теребовльский. К концу XI столетия местность южнее Киева никак нельзя назвать безлюдной. Князья, их дружинники, миряне и, конечно, иноки Печерского и Выдубицкого монастырей использовали дороги, названные летописцем. Здесь должны были следовать крестным ходом монахи «**ко святѣи Софии къ Кіеву**». Путь их, скорее всего, пролегал через Лядские ворота. Когда-то южнее города «**бе бо... лѣсъ великъ**» (I, 156), а западнее днепровского берега, между Киевом и Берестовым, простиралось урочище Угорское. Тут, ближе к реке, находилась могила Аскольда. Под 898 г. в ПВЛ сообщается о происхождении названия территории, примыкающей к городу: «**Идоша Угри мимо Киевъ горою еже ся зоветь н(ы)нѣ Оугорьское и пришедъ къ Днѣпру и сташа вежами бѣша бо ходяше аки се Половци**» (I, 25). Примечательно, что летописец сравнивает кочевой быт венгров с современными ему половцами.

Итак, обратим внимание на слова летописца «**межю путемъ**» и «**в манастырь идуще**», задавшись вопросом: говорится ли вообще в «Слове» о конях экзотической венгерской породы? Не указывает ли автор, следуя молве и летописным сведениям, всего лишь на район захоронения Тугоркана? Ведь исследователи не раз обращали внимание на то, что автор «Слова» использовал материал ПВЛ, приспосабливая и сокращая его. Принцип локализации в «Слове» тот же – между двух объектов. Только через

сто лет место указано весьма приблизительно. Ориентирами служат западная окраина большого лесного массива – Угорское и дорога из монастыря в Киев.

Высказывая предположение о неправильном прочтении фрагмента «**между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву**», не станем утверждать, что ошибка была допущена непременно первыми издателями. Фраза могла видоизмениться и раньше под пером создателей мусин-пушкинского сборника, датируемого обычно концом XV – нач. XVI в., или их предшественников. Не выглядело ли исходно это сочетание как «**между Угорьскимь и инокъ ходомь ци ко святѣи Софии к Киеву**»? Причиной неверного прочтения могли стать и деление сплошного текста на слова (соединительный союз «и» мог превратить «Угорьское» в прилагательное «угорьскими» в творительном падеже множественного числа), и использование в полууставном письме XV – XVI вв. выносных букв. Предположим, написание «**ин^{к}оходо^{м}ци**» с утратой надстрочных знаков или при неразборчивом написании превратилось в «**иноходьци**». Усилительная же частица «**ци**» возвращает читателя к раздумьям о новгородском происхождении мусин-пушкинской рукописи[15]. Существительное «**ходъ**» невольно заставляет вспомнить о другом «темном месте» – «**Рекъ Боянъ и Ходына**». Однако это совершенно иной, имеющий длительную историю, научный спор.

На важность для современников погребения Тугоркана князем Святославом Изяславичем указывает и такой факт. В Радзивиловской летописи содержится миниатюра, изображающая это памятное и неординарное событие (л. 133 об.). Далеко не все русские князья удостоились такой чести. Например, в миниатюрах не отражены похороны Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого и др. По рисунку можно заметить, что похороны половецкого хана отнюдь не носили официального характера, а были скорее узко семейным делом. Более того, великий князь и княгиня, судя по всему, не желали привлекать всеобщее внимание к печальной церемонии. Древний иллюстратор подчеркнул скрытность действий Святополка. Тугоркана хоронят ночью. Факельщики с двух сторон освещают пространство, где быстро орудуют лопатами не-

сколько землекопов, за спинами которых, ожидая завершения работы, безмолвно стоит киевский князь. Выходит, что хоронит хана человек, испытывающий вовсе не чувства триумфатора. Он избавляется «в нощи», без лишних свидетелей и шума от тела врага-родственника. Такое погребение никак не вяжется с торжественностью перевозки мертвого Тугоркана между иноходцами. Святополк, словно не желая нарушить вечный сон знатного половца, тихо «полелеял» (упокоил, бережно уложил, «укачал») беспокойного степного воина при свете мерцающих факелов, пока спали по своим домам киевляне. Перед нами удивительное соединение официального презрения к поверженному «поганому» противнику и родственного почтения. Не исключено, что изображенные землекопы — люди из ближайшего окружения княгини-половчанки, испытывавшие какие-то личные чувства к усопшему хану и способные разделить печаль госпожи. Скорее всего, в могилу знатного половца не положили традиционные предметы, сопровождавшие обычно воина в загробном мире. И уж, конечно, не встал над ней каменный истукан, знаменующий собой куманские погребения.

Едва ли создатели Радзивиловской рукописи через четыре века после этих драматических событий обладали знанием подробностей и деталей, никак не представленных в самом тексте летописи. Неисчислимые беды татарщины заслоняли от них страдания жителей южной Руси рубежа XI–XII вв. Не помнили в эту эпоху и обстоятельств гибели страшного Тугоркана, превратившегося за века в фольклорного Тугарина. Безусловно, книжники XV в. копировали более ранние лицевые летописи, в миниатюрах которых содержалась дополнительная по отношению к самому повествованию информация. Был ли это Владимирский лицевой свод 1206 г. или еще более ранние образцы, как полагал Б. А. Рыбаков [16], в любом случае рассмотренная миниатюра отразила впечатления свидетеля, современника происшествия лета 1096 г. Ситуация закрепилась в памяти благодаря своей двусмысленной необычности.

Автор «Слова» придавал особое значение образам тьмы и света, художественному противопоставлению ночи и дня. Возможно, и он знал о том, что Святополк действовал, пока «**долго ночь мрькнеть**». При этом создателю «Слова» хорошо

ведомы пути и дороги, окрестности Киева. Знает он не только Подол, Боричев взвоз, идущий вниз с дворцовой горы к церкви Богородицы Пирогощей (она появится лет через сорок после гибели Тугоркана), но и южные пределы города, направление в сторону Берестова и Печерского монастыря. Примерное место погребения тестя Святополка отмечали печерские летописцы, еще более приблизительно представлял его себе лет через сто автор «Слова». Прошедшие десятилетия изменили Киев. В конце XII в. приходилось так же сопоставлять былую и новую топографию, как это делали создатели ПВЛ, вспоминая реалии времен княгини Ольги: «**На Подолѣ не сѣдяхуть лю(д)е но на горѣ городъ же бяше Киевъ идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ а дворъ кьняжь бяше в городѣ идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чудинъ а перевесище бѣ внѣ города...**» (II, 44).

Создатель «Слова» включал поражение Тугоркана под Переяславлем в определенную систему представлений о русско-половецких войнах. Недаром одно из шести упоминаний реки Каялы соотнесено совсем не с поражением дружин Игоря. Это другая Каяла, но тоже река смерти и скорби. На ней в 1096 г. были истреблены половцы. Зять убил тестя и шурина (отца и сына), «**и инии князи мнози ту падоша**» (II, 222). Вспомним, что Святополк Изяславич — первый из русских князей, кто заключил с половцами брачный союз. Женитьба сорокапятилетнего великого князя на дочери Тугоркана открыла новый период в истории отношений со степью. Если брак Святополка и половчанки первый, то женитьба Владимира Игоревича на дочери Кончака для автора «Слова» — последнее по времени событие подобного рода. Все поменялось местами. Отец, сын «**и инии князи**» попадают в 1185 г. в плен к свату, отцу невесты (причем этот плен даже хуже смерти: «**Луце жъ бы потяту быти неже полонену быти**»). События на Каяле 1185 г. в некотором роде оказываются зеркальным отражением половецкой неудачи 1096 г. История сделала круг. Аналогию дополняет парность князей-победителей (Святополк — Владимир Мономах и Кончак — Гзак).

Б. А. Рыбаков, комментируя вымышленный диалог ханов «**на слѣду**» Игоря, заметил: автор словами о стремлении половцев «опутать» Владимира «красною девицей» «хотел внушить своим

слушателям мысль, что не следует слишком опасаться брака, задуманного Кончаком. Очевидно, автор твердо надеялся на то, что Игоря удастся оторвать от союза с Кончаком, несмотря на женитьбу сына на Кончаковне»[17] Брак, действительно, не помеха. Первый пример аналогичного брачного союза вполне убедительно доказывает правомерность подобных рассуждений.

Отметим также важную роль свадебной метафорики, мотива «травестированного ритуала»[18] в художественном строе памятника. Поражение, гибель передаются через ласку и заботу. Упокоение Тугоркана поэтому не противоречит звучанию всего «Слова».

Таким образом, выскажем предположение об исходно ином смысле рассмотренной фразы. Первоначально в ней отсутствовали «угорские иноходцы». Их место занимало указание на координаты погребения знатного половца: «С такой же Каялы[19] Святополк полелеял тестя своего между Угорским и ходом (путем) иноков к Святой Софии к Киеву». Дальнейшие рассуждения автора о суровых временах Олега Гориславича не противоречат предложенному прочтению, так как и до середины 90-х гг. XI в. и после Олег приводил половцев, потворствовал их жестокости. Именно в 1096 г. дед Игоря не пожелал «урядиться» о Русской земле, бился 33 дня со Святополком и Владимиром у Стародуба. По словам летописца, обе стороны понесли большие потери.

Предлагаемый вариант прочтения и перевода, впрочем, как и многие другие конъектуры, неизбежно основывается на ряде допущений. Это всего лишь один из возможных вариантов толкования весьма живописного, но, увы, не очень-то жизненного образа. Поэтому приходится согласиться с замечанием Б. Гаспарова: «То, что при одной проекции выглядит нарушением связей в повествовании и “темнотами”, вызванными порчей текста или его компилятивным характером, при другой проекции оборачивается характерными признаками сложного и богатого поэтического языка и поэтической композиции»[20].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Осетров Е.* Мир Игоревой песни: Этюды. М., 1977. С. 217.

Так выглядит фраза в издании А. И. Мусина-Пушкина 1800 г. (С. 16).

В XIX в. М. А. Максимович «исправлял» эту фразу, читая «Ярополк» вместо «Святополк». См.: *Максимович М. А.* Песнь о полку Игореве, переложенная на украинское наречие // Украинец. М., 1859. Кн. 1. С. 91.

[1] Окружение венгерской конницей позднее усматривал в данном фрагменте Н. М. Павлов (Бицин). См.: Русский вестник. 1874. Т. 109. № 2. С. 785.

Далее ПВЛ.

Поэтому и в поэтическом отклике на гибель Изяслава — балладе А. К. Толстого «Три побоища» имеются строки:

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли...

Цит. по: *Толстой А. К.* Избранное. М., 1997. С. 429.

Одна из новейших работ на эту тему принадлежит В. А. Кучкину. См.: *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплькъ...» // Russia Mediavalis. Bd.VIII (Heft I). München, 1995. S. 87–113.

[8] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 93.

См.: *Кудрявцев И. М.* Заметки к тексту «Съ тоя же Каялы Святоплък...» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 407–409.

[10] *Творогов О. В.* Изяслав Ярославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 280.

[11] См.: *Бутков П. Г.* Нечто к «Слову о полку Игоря» Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 21. С. 45–47.

[12] *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 93.

[13] Здесь и далее летопись цитируется по Полному собранию русских летописей. Том и столбцы указываются в скобках.

[14] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 219.

[15] Точки зрения о новгородском происхождении рукописи придерживались, напр., Н. А. Мещерский (см.: *Мещерский Н. А.* К вопросу о территориальном приурочении текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // *Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб., 1995. С. 162), С. П. Обнорский, М. Колосов, И. М. Кудрявцев. Б. А. Ларин высказывался более осторожно, полагая, что «какой-то из промежуточных списков мог быть новгородским» (*Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 157).

[16] См.: *Рыбаков Б. А.* Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 188–240.

[17] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве. М.. 1991. С. 140.

[18] *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 74.

[19] Такое понимание было впервые предложено А. А. Потебней. При историко-географическом подходе к «Слову» позицию Потебни разделял К. В. Кудряшов. См.: *Кудряшов К. В.* «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении // Слово о полку Игореве: Сб. статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 75.

[20] *Гаспаров Б.* Указ. соч. С. 8.